

≈ 45 мин

«Демократия в наши дни — это коммунизм»

Ф. Энгельс «Празднество наций в Лондоне»

Оглавление [скрыть](#)

1. Введение
2. Что такое диктатура пролетариата
3. Левая демагогия против диктатуры пролетариата
4. Демократия: буржуазная и социалистическая
5. Выводы

ВВЕДЕНИЕ

Чувство справедливости — великая вещь. Очень многие коммунисты начинают свой путь в политическое движение именно с неё, с эмоционального возмущения тем, что они видят при капитализме. Но увы, когда убеждения остаются лишь на уровне чувств, без добросовестного овладения марксистской теорией, человек так и остаётся «левым гуманистом», не становясь марксистом. Весьма часто этот путь ведёт к тому, что в важных вопросах политики такой гуманист оказывается не в состоянии занять правильную позицию и объективно переходит в лагерь противников коммунизма.

Именно таковы идеологические истоки оппортунистических направлений в «левом движении», особенно, по нашим наблюдениям, это характерно для «левых антикоммунистов», т. е. различных оттенков троцкистов, «госкаповцев», неоменьшевиков, анархистов и т. д. Имея своей материальной основой мелкособственничество, буржуазный индивидуализм («всегда неправы те, кто у

власти»), левые противники диктатуры пролетариата, словно просветители XVIII века, апеллируют к абстрактному гуманизму, абстрактной справедливости, которая заменяет им марксистский анализ. Если правые оппоненты коммунизма пытаются доказать несостоятельность марксизма с позиций апологетики рыночного устройства общества, то левые в своей критике прикрываются стремлением к социализму, понимаемому как некий «идеал», без учёта исторических условий, в которых приходится действовать коммунистам.

Методология левых нисколько не изменилась со времён первых критиков Советской власти: методично и со злорадством фиксируются все недостатки, имевшие место в СССР, все ошибки советского руководства, катастрофы и трагедии, вызванные чрезвычайно сложными обстоятельствами, в которых оказалась Советская страна, и делается вывод про «власть бюрократии», «бонапартизм» или «государственный капитализм».

И во многом аргументация строится на эмоциях: «смотрите, в СССР люди голодали, была существенная разница в уровне жизни между рабочими и бюрократами, народы депортировались, — значит, это не социализм». Конечно, всем хотелось бы, чтобы стало всё хорошо и сразу, чтобы «по справедливости» и на второй день. Тем более, картины, скажем, голода 1933 года или жизни в бараках по карточкам действительно страшны для современного человека, живущего в России или тем более в Западной Европе, даже небогатого. А о том, что в те годы это смотрелось по-другому, и то, что сейчас дико, веками было привычным делом, из вида упускается.

Советские люди той эпохи очень хорошо видели изменения своей жизни к

лучшему, по сравнению с периодом царизма, потому и не оправдались все надежды противников большевистской партии на массовые восстания в годы коллективизации, Великой Отечественной войны и прочих непростых этапов первых лет социализма в СССР. Скажем, голод¹ до революции был вообще неизбежным спутником жизни большей части крестьян, карточки — это, по крайней мере, гарантия какого-то минимума, бараки — не так уж плохи с точки зрения вчерашнего деревенского жителя, всё же некоторое благоустройство, хотя бы электричество, например. Но если брать условия жизни в СССР, в том числе в сталинские годы, внеисторично, то, конечно, получается сплошной кошмар.

Морализаторство, свойственное нынешним «левым антикоммунистам», ведёт свое начало с их самых первых предшественников. Ярким примером здесь можно считать Юлия Мартова. Так, в своей неоконченной работе «Мировой большевизм» он оправдывал свою практическую беспомощность и политические неудачи, с одной стороны, и распространение ленинизма по всему миру — с другой, моральным разложением пролетарских масс. Большая часть его «политического завещания» отведена проповедям мирной революции. Причём проповеди этого «марксиста» доходили порой до явного абсурда: по Мартову, во время Первой мировой войны необходимо было отказаться от тактики превращения империалистической войны в гражданскую и вместо этого *«преподать человечеству урок бережного отношения к производительным силам»²*. Стоит ли говорить, что подобная пацифистская болтовня не прижилась в рабочей среде вовсе не из-за морального недуга (Мартов здесь встаёт в один ряд с поповствующими идеалистами), а из-за практической бесполезности.

Фатализм Мартова вытекает из его вульгарно-материалистической трактовки революционного процесса: поскольку базис первичен по отношению к надстройке, то всякая революция обречена до тех пор, пока производительные силы не дойдут до некоего предела. Что ж, спустя сто лет мы можем с достоинством оценить «теоретические изыски» меньшевизма.

Производительные силы ушли далеко вперёд, а классового сознания (у горячо любимого Мартовым и ко) европейского пролетариата так и не появилось. Ошибка Мартова заключается в том, что он рассматривает надстройку не как продукт, а как часть базиса. Именно поэтому он отказывает надстройке в последующем самостоятельном развитии, ответном противодействии, отражении и т. д.

Помимо морализаторства, встречается также типичный для левых фразёров европоцентризм (все разглагольствования об утопичности строительства социализма проистекают из нежелания принять тот простой факт, что не все страны обязаны идти к социализму через парламентаризм).

Сюда же относятся требования(!) различных левых фразёров о том, чтобы революция произошла во всех странах одновременно. «Революция должна...», «история должна...» Одного не могут понять такие «р-р-революционеры»: реальный исторический процесс не может быть во всей своей полноте и сложности описан в примитивных шаблонах и сведён к односторонней схеме. Потому любое проявление диалектики в реальной общественной практике, будь то «отмирание государства через его усиление» или «минование фазы капитализма» они воспринимают как личное оскорбление: история посмела развиваться без учёта их убогих представлений о действительности.

ЧТО ТАКОЕ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Мы не будем повторять всех аргументов против «левого антикоммунизма», сконцентрируемся лишь на одном вопросе — вопросе осуществления диктатуры пролетариата и социалистической демократии. Здесь, пожалуй, больше всего путаницы и подмены понятий со стороны левых антикоммунистов, основанных опять же на «справедливости» — в отрыве от реальных материальных условий функционирования пролетарского государства. В первую очередь, нет понимания разницы между властью, как возможностью осуществлять свои коренные интересы, и непосредственным управлением, для которого, пока существует государство, неизбежно выделение слоя управленцев — наёмных работников пролетарского государства, т. е. той самой «бюрократии».

Управление в государстве диктатуры пролетариата непосредственно осуществляется наиболее передовой частью рабочего класса, объединённой в коммунистическую партию. Это власть рабочего авангарда, осуществляемая в коренных интересах всего рабочего класса. В этом ответ на вечный вопрос «диктатура класса или диктатура в интересах класса?», который раз за разом поднимается троцкистами и госкаповцами. Да, весь рабочий класс диктатуру осуществлять не в состоянии, ибо среди рабочих есть и будут даже в ходе революционного подъёма отсталые элементы, как в бытовом (аполитичные обыватели, которым «всё равно, какая власть, как-нибудь приспособлюсь», пьяницы и т. д.), так и в политическом плане (сторонники капитализма вплоть до активных контрреволюционеров). Все эти последние, конечно, никакой диктатуры не осуществляют. Но стоящие у власти передовые рабочие отражают коренные интересы и этой части трудящихся. Эти интересы объективны и могут

иметь слабое отношение к субъективным пожеланиям отдельного рабочего. Отсталую часть правящего рабочего класса необходимо обеспечивать всеми социальными правами и на этой основе постепенно в каких-то формах привлекать к управлению, понимая, что значительное количество людей, выросших при капитализме, сознательными коммунистами всё равно не станет.

Такая же ситуация — в любом государстве, в том числе и во всех современных капиталистических странах, где у власти находится класс буржуазии в целом, но непосредственно управляет узкая группа олигархов и высших чиновников. Ларёчник на рынке власть тоже не осуществляет, не может отдавать указания Путину, Обаме или Ангеле Меркель. Однако крупная буржуазия и служащие ей чиновники, занимающие ключевые государственные посты, тем не менее, выражают коренные интересы всех частных собственников, стоя на страже самого принципа частной собственности. Отдельные же представители буржуазного класса, даже олигархи, вполне могут лишиться собственности и оказаться за решёткой, если их действия расходятся с общеклассовыми интересами буржуазии конкретной страны. Отсюда все либеральные выдумки про «власть чиновников» или «чекистов», по сути основанные на той же методологии, что и нападки левых и либералов на социалистические страны.

Именно либерально-буржуазную точку зрения объективно отражает и вся критика в адрес социалистических государств, обвиняющая их в недемократичности, «отстранении масс от управления», пусть эта критика ведётся с левых и даже «марксистских» позиций. Эта критика существует столько же времени, сколько прошло с Октябрьской социалистической революции, создавшей первое в мире рабочее государство.

Когда сторонники «настоящей власти пролетариата» начинают предлагать какие-то конкретные меры «немедленного уничтожения бюрократии», получают, как правило, рецепты в духе дюжинного буржуазного либерализма. Прочитируем одного из ранних критиков диктатуры пролетариата в СССР — Гавриила Мясникова:

«Пролетариат возвысился на ступень господствующего класса, и овладел всеми материальными средствами, и организовался в своё государство. Теперь СРД п. управляют производством и страной, кооперация — торговлей, а союзы контролируют. Спрашивается, если буржуазия, составляя 5 % населения и владея всеми средствами производства, распределения, транспорта и т. д., которыми теперь завладел пролетариат, не нуждалась в течение сотен лет своего господства в формальном запрещении пролетарских организаций, то пролетариат, составляя 90 % населения, владея теми же средствами, что и буржуазия, совсем не будет нуждаться в формальном запрещении организаций буржуазии. Легальное существование буржуазных партий в пролетарском государстве будет менее опасно для пролетариата, чем легальное существование пролетарских партий в буржуазном государстве для буржуазии»³.

Поразительная наивность либо прямое идеологическое вредительство. Любой пролетарий, получается, «революционен потому, что он пролетарий», и значит 90 % пролетариев = 90 % сторонников революции. Про мелкобуржуазные предрассудки, унаследованную от капитализма крепкую связь мелкособственничества с пролетарскими массами — ни слова. Мясников повторяет позицию Каутского, с которым по этому вопросу спорил Ленин:

«Эксплуататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги (уничтожить деньги сразу нельзя), кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех „тайн“ (обычаев, приёмов, средств, возможностей) управления, остаётся более высокое образование, близость к технически высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остаётся неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и так далее, и так далее. Если эксплуататоры разбиты только в одной стране — а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение — то они остаются всё же сильнее эксплуатируемых, ибо международные связи эксплуататоров громадны. Что часть эксплуатируемых из наименее развитых средне-крестьянских, ремесленных и т. п. масс идёт и способна идти за эксплуататорами, это показывали до сих пор все революции, Коммуна в том числе (ибо среди версальских войск, о чём „забыл“ учёнейший Каутский, были и пролетарии)»⁴.

И эти строки история социалистических революций XX века подтвердила очень отчётливо.

А ведь Мясников — просто образцовый «старый большевик», или, как принято выражаться в определённых кругах, представитель «ленинской гвардии» — ветеран революции 1905–1907 годов и Гражданской войны, участник вооружённого восстания в Мотовилихе в 1905 году. Как видим, все подобные заслуги отнюдь не обеспечили верность коммунизму — Мясников объективно

перешёл на сторону контрреволюции ещё при жизни Ленина.

Тем более нелепа подобная «вера в пролетариат» сейчас, когда перед нами огромное количество примеров массовой поддержки со стороны рабочих самых реакционных буржуазных режимов и буржуазной контрреволюции в бывших социалистических странах.

В 1920 году Ленин в работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» также вынужден был разобрать некоторые из «левых» обвинений в адрес большевистской партии, впрочем, звучащие и до сих пор. В частности, Ленин писал:

«Некоторая „реакционность“ профсоюзов, в указанном смысле, неизбежна при диктатуре пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание основных условий перехода от капитализма к социализму. Бояться этой „реакционности“, пытаться обойтись без неё, перепрыгнуть через неё есть величайшая глупость, ибо это значит бояться той роли пролетарского авангарда, которая состоит в обучении, просвещении, воспитании, вовлечении в новую жизнь наиболее отсталых слоёв и масс рабочего класса и крестьянства. С другой стороны, откладывать осуществление диктатуры пролетариата до тех пор, когда не останется ни одного профессионалистски узкого рабочего, рабочего, в котором не было бы цеховых и трэд-юнионистских предрассудков, было бы ошибкой ещё более глубокой. Искусство политика (и правильное понимание коммунистом своих задач) в том и состоит, чтобы верно учесть условия и момент, когда авангард пролетариата может успешно взять власть, когда он сумеет при

этом и после этого получить достаточную поддержку достаточно широких слоёв рабочего класса и непролетарских трудящихся масс, когда он сумеет после этого поддерживать, укреплять, расширять свое господство, воспитывая, обучая, привлекая всё более и более широкие массы трудящихся»⁵.

То есть вовлечение широких масс в управление, всех трудящихся без исключения — это не одномоментный акт, это возможно лишь постепенно, нужны годы и годы работы по массовому образованию и воспитанию. И естественно, чем хуже международная ситуация, в которой оказалось государство диктатуры пролетариата, тем сложнее эта работа, точнее, её приходится откладывать, заменяя работу по привлечению каждой кухарки к государственной власти на жёсткую централизацию, осуществление политики почти исключительно «в приказном порядке».

Если предположить, что весь рабочий класс до последнего человека способен управлять, осуществлять власть, то не понадобилось бы и пролетарского государства, его отмирание произошло бы немедленно. Однако такое невозможно, и диктатура пролетариата для того и нужна, чтобы пройти этот этап — от социалистической революции до полного коммунизма. Пока полный коммунизм невозможен, неизбежно образование слоя управленцев, находящихся на службе у рабочего государства.

Пресловутая «советская бюрократия» как раз и состояла из передовых рабочих и представителей интеллигенции и крестьянства, ведь кадры подбирала партия, объединявшая, в основном, наиболее сознательных граждан, по

сравнению с беспартийной массой. Далёко не всегда «бюрократ» отвечал необходимым качествам. Конечно, попадали в руководящие органы и коррупционеры, и воры, и просто бездельники. Но как раз возможности устранения подобных людей из руководства в социалистическом государстве гораздо более широки, чем в любом буржуазном, где на страже собственников и чиновников стоит «коммерческая тайна», «неприкосновенность частной жизни», наконец, возможность подкупать журналистов и нанимать киллеров.

Массы могут и должны осуществлять снизу хозяйственный контроль над управленцами, жёстко пресекая по своей инициативе случаи коррупции, расхищения социалистической собственности, морально-бытового разложения. Это важнейшее дело рабочих масс, для выполнения которого должны существовать и иметь значительные полномочия специальные органы, подобные Рабоче-крестьянской инспекции в СССР.

Но массы не могут определять, кто является марксистом, а кто нет. Идеологический контроль — вопрос исключительно руководства партии. Он может производиться правильно только при наличии достаточного количества грамотных марксистов в руководящих органах. Иного пути просто нет. Ожидать, что рядовые рабочие снизу стихийно решат важнейшие идеологические вопросы — это всё равно, что уповать на всенародное голосование при решении проблем ядерной физики или высшей математики. Рекомендуем внимательно прочитать работу Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин»⁶, которую так любят цитировать антисталинисты — нигде Ленин не пишет, что Рабкрин или какие-то другие органы низового контроля должны определять идеологию и политику партии.

Политический курс определяется руководством коммунистической партии (партии научного централизма), состоящим из наиболее грамотных марксистов. Вместе с тем, партия — это ядро политической системы государства диктатуры пролетариата, но партией эта система не исчерпывается. Под руководством партии работают органы государственной власти, призванные осуществлять вовлечение масс в управление.

Именно здесь необходима низовая инициатива, прежде всего в плане наблюдения за качеством работы людей, занимающих высокие должности. Прежде всего, в условиях ограничения доходов управленцев, механизма партмаксимума, рядовые граждане рабочего государства должны иметь возможность по инициативе снизу отстранять от руководства тех бюрократов, которые занимаются личным обогащением вместо строительства коммунизма или пишут дифирамбы высшему руководству вместо выполнения своих хозяйственных функций. Также «снизу» должны решаться вопросы местного, тактического характера, ошибки в которых не приведут к трагическим последствиям для диктатуры пролетариата. Партия, объединяя в своих рядах научно подготовленные кадры, не может управлять одна, без поддержки и участия большинства рабочего класса и всех трудящихся. И это большинство должно понимать свою причастность к управлению рабочим государством.

ЛЕВАЯ ДЕМАГОГИЯ ПРОТИВ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

После того, как буржуазная власть свергнута, и органы диктатуры пролетариата начинают свою работу как орудия государственной власти, условия жизни масс мгновенно не меняются к лучшему. Но при этом коренным

образом меняется отношение всех передовых рабочих к тем или иным явлениям государственной политики, ведь классовая сущность государства становится принципиально иной. На смену отказа от защиты буржуазного «Отечества» приходит необходимость отстаивать независимость и целостность социалистического Отечества, невзирая на любые жертвы. А забастовки, в которых до революции коммунисты участвуют и нередко организуют, при диктатуре пролетариата превращаются в орудие контрреволюции (если речь идёт о забастовках на национализированных предприятиях, а не на частных, которые могут сохраняться какое-то время после ликвидации буржуазного режима, как это было в СССР в годы НЭПа). Ведь забастовка в пролетарском государстве — это удар одних рабочих по другим, во имя узких цеховых интересов (если речь не идёт о прямо контрреволюционном выступлении). Потому и отношение к экономическим забастовкам и иным методам того, что при буржуазном режиме являлось экономической формой классовой борьбы, при диктатуре пролетариата соответствующее — как к преступлению. Конфликты между коллективом и администрацией возможны, но они должны решаться конструктивно, совместной работой руководства и профсоюза как одного из органов социалистической демократии. В рабочем государстве между трудящимися и руководством предприятий нет антагонистических противоречий; обеспечить как успешную работу предприятия, так и рост уровня жизни работников — в их общих кровных интересах.

Однако любая «левая оппозиция» с удовольствием будет пользоваться трудностями и огрехами для того, чтобы обернуть «левые лозунги» против пролетарской диктатуры. Подобных примеров немало даёт нам история, в частности, Гражданской войны в России. Из листовки анархистов, написанной в

1920 году:

«Русские войска завоевали Азербайджан. Зачем? Комиссарам хочется быть нефтяными королями, торговать керосином, а в Азербайджане много, много нефти.

Русские войска вторглись в Персию, навязав персианам какого-то нового хана.

Итак, комиссары решили вести империалистическую войну для завоевания Польши, Белоруссии, Украины, Персии, Турции и т. д. А эта новая война потребует от нас ещё больших жертв и усилий. Итак, война до победного конца, до последней капли крови русского крестьянина и рабочего.

На днях жители Аланских островов захотели отделиться от Финляндии и присоединиться к Швеции. Аланские острова заселены рыбаками бедными и крестьянами шведами. И вот Советская власть заявляет, что Аланские острова должны принадлежать ей. Почему? Потому что прежде они принадлежали Николаю II-му. А раз на месте Николая II нынче сидит Ленин I, то значит аланцы должны терпеть его каблук.

И вот эта империалистическая подлая отвратительная политика делается от имени гнусного акционерного общества, ради которого ныне украшают и город от имени III Интернационала.

Миллионы красноармейцев убиваются, калечатся, терзаются для того, чтобы завоевать чужие земли, и это называется счастьем трудящихся.

Неужели русские трудящиеся жаждут новой войны до победного конца?

Мы голодаем потому что комиссары, отбирая силой продукты у крестьян, дерут три шкуры. Мы голодаем потому, что нас сосёт новое буржуазно-комиссарское правительство.

Уберите паразитов. Скиньте власть, и народ, свободный народ поделит между собой всё, что имеется в стране»⁷ .

По лозунгам всё так напоминает листовки большевиков времён Первой мировой войны, не правда ли? Вот только власть успела смениться на классово противоположную, и призывы, служившие пролетарской борьбе, стали служить контрреволюции. Спекулируя на трудностях, переживаемых рабочим государством, левые антикоммунисты пытаются натравить массы на диктатуру пролетариата, заменить марксистскую политику на пресловутое «всё отнять и поделить», неизбежно ведущее к победе контрреволюции.

Да, государству диктатуры пролетариата приходилось в прошлом и ещё придется вновь осуществлять и непопулярные меры. Ему дополнительные ресурсы взять неоткуда, если их нет — значит неизбежно затягивание поясов. Призывы к «экономии» лицемерны со стороны власти олигархов, власти, защищающей тех, кто присваивает львиную долю богатств страны ради своих особняков и яхт. Но при социализме все ресурсы принадлежат трудящимся, и паразитический класс отсутствует, тем не менее, возможны экономические трудности и нехватка средств. Потому и пролетарская диктатура вполне может удлинять рабочий день, сокращать зарплаты и пенсии, урезать другие социальные блага. И, конечно, такими ситуациями не могут не пользоваться как откровенные буржуазные контрреволюционеры, так и искренне «левые крикуны», движимые чувством справедливости. Более того, именно последние играют в этом главную роль, если правые противники коммунизма дискредитированы и не имеют шансов завоевать влияние.

Именно так было после Октябрьской революции: сначала главной силой внутренней контрреволюции были белогвардейцы, после их разгрома — мелкобуржуазные левые партии, включая бывших попутчиков РКП(б), вроде левых эсеров, а когда и эти партии потерпели поражение и утратили влияние, инициатива по расшатыванию диктатуры пролетариата перешла к антипартийным группировкам уже внутри самой партии большевиков (троцкистам, бухаринцам)⁸. А в «Перестройку» мы могли наблюдать, как эта же спираль раскручивалась в обратную сторону. Советский народ в 1985 году, каков бы он ни был к тому времени, сразу реставрацию капитализма вряд ли принял бы. Поэтому сначала — «против сталинизма, за ленинские нормы» (вполне в духе нынешних троцкистов), далее — «большевизм — это диктатура партии, настоящие марксисты — это меньшевики, а социализм — в Швеции» (в духе сегодняшнего неоменьшевизма), и только потом — «да, дикий капитализм, а неписавшиеся пусть помирают» (левый «антисоветизм» вымостил дорогу буржуазной контрреволюции).

Тем более сегодня буржуазные силы накопили огромный опыт использования «левых лозунгов» — самые яростные реакционеры ныне всей душой «за народ», что мы видим на современных майданах. Будут олигархи орудовать «левыми лозунгами» и в борьбе против грядущих социалистических революций, новых пролетарских диктатур. Всегда можно найти какие-то недостатки и, спекулируя на недовольстве масс, пытаться направить их против собственных коренных интересов. Хотя, конечно, почву для этого даёт и политика коммунистической партии, если эта политика неверна и не способствует продвижению страны к полному коммунизму, как это было с политикой КПСС послесталинского времени.

«Левые оппозиционеры» часто оправдывают свою объективно контрреволюционную позицию тем, что социализма в социалистической стране якобы нет. Хотя ленинское определение социализма известно, и оно отсекает почву для всяческих спекуляций на недостатке жилья, очередях за колбасой и даче Сталина:

«Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперёд от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращённая на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией»⁹.

«Всего-то». И, увы, социализм не означает отсутствия, при неблагоприятных условиях, и голода, и вообще материальной неустроенности. Он создаёт условия для их изживания, но это изживание может затянуться и на десятилетия, как это и было в СССР в результате двух опустошительных войн. В частности, лишь к рубежу 1940–1950-х годов массовый голод как явление навсегда исчез из жизни советского общества.

По вышеперечисленным причинам открыто антикоммунистические или просто узкоцеховые выступления отдельных групп рабочих вполне возможны в государстве диктатуры рабочего класса. И тут задача коммунистов — грамотно опираться на передовую часть рабочих, противопоставлять коммунистическую позицию демагогии мелкобуржуазного влияния. Пример документа, иллюстрирующего подобный случай на Донбассе в 1923 году:

«В этот же день было созвано делегатское собрание рабочих в составе 36

беспартийных и 8 коммунистов, где принято решение: „Считать конфликт исчерпанным; проведение в жизнь постановлений стачечного комитета, принятых Управрудом, передать профсоюзу; стачечный комитет ликвидировать и приступить к работе“.

8 октября в 8 часов утра было собрано общее собрание. Рабочие были чрезвычайно раздражены сговорчивостью стачечного комитета, резко нападали на руководителей и не признавали делегатского собрания, и снова были слышны возгласы о расправе. Одного комсомольца, пытавшегося в толпе призвать к работе, ударили о землю так, что пришлось унести с собрания.

Весь день 8-е, 9-е прошли весьма тревожно. Рабочие ходили группами по шахтам и снимали с работы.

В механическом цехе главарей забастовки не хотели впускать в помещение, тогда они силой вошли и стали выгонять рабочих»¹⁰.

Как видим из документа, передовые рабочие, понимающие преступность забастовки с точки зрения общеклассовых интересов и пытающиеся решить конфликт с помощью механизмов социалистической демократии, противостоят отсталым элементам, которые прибегают к насилию против коммунистов. Благодаря активным действиям сознательных трудящихся в контакте с партийными и государственными органами, мелкобуржуазная вылазка была пресечена.

Несомненно, совсем другое дело, когда протест рабочих вызван неверной, ревизионистской политикой коммунистической партии, в которой победили буржуазные силы. Пример подобного — беспорядки в Новочеркасске в начале

июня 1962 года, когда Хрущёв и его соратники начали фактический развал плановой экономики, результатом чего стало повышение цен. Хотя, судя по документам, стачкой пытались воспользоваться преступники, применение силы в данном случае не является оправданным, так как мелкобуржуазная хрущёвская группировка расстреляла рабочих, которых на улицы вывела собственно антикоммунистическая политика этой группировки¹¹.

И уж тем более, если страна «социалистическая» только по названию, а «коммунистическая партия» обеспечивает господство олигархов, как в современном Китае, то экономическая борьба рабочих пользуется поддержкой коммунистов, как и при «открыто буржуазном» строе. В таких условиях коммунисты обязаны противостоять попыткам воспользоваться рабочей борьбой со стороны буржуазной проамериканской оппозиции.

ДЕМОКРАТИЯ: БУРЖУАЗНАЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ

Сегодня буржуазная демократия, стоящая на службе олигархов, действует зачастую гораздо изобретательнее и изощрённее, нежели век назад. «Свобода выбора» эксплуатируемым предоставляется самая широкая, вплоть до смены пола. Так как современному капитализму не страшно ничто, что не лишает его собственности и власти, то есть ничто, кроме коммунизма, сегодня слабого, ещё не оправившегося от поражений.

Например, в США частью национальной политической культуры является отношение к президенту как к «своему парню», над которым свободно можно издеваться и т. д., согласно известному антисоветскому анекдоту про возможность «кричать, что Рейган — дурак». Это считается одним из главных

признаков демократизма, действительно, внешне никаких «вечных президентов» и «диктаторов» — максимум через 8 лет лицо на президентском посту меняется, причём это лицо может быть и вполне заслуженным объектом насмешек в силу своего скудоумия, подобно Джорджу Бушу-младшему. Тем не менее, от «десакрализации» лиц, занимающих высшие государственные посты, власть олигархов нисколько не у малывается, «тупой Джордж» обеспечивает её не менее надёжно, чем былые «священные особы государей», за оскорбление даже портретов которых предусматривалось уголовное наказание.

Цель буржуазной демократии — создать иллюзию выбора, иллюзию того, что «простого человека спрашивают, кто и как будет управлять страной». На деле всем распоряжается небольшая группа капиталистов, в силу своей эксплуататорской сущности оторванная от народных масс гораздо более, нежели Политбюро ЦК КПСС в самые худшие времена СССР. Но на публику разыгрывается увлекательный спектакль, представляющий собой порой яркое шоу.

В чём состоит социалистическая демократия (мы предпочитаем этот термин, а не «пролетарская» или «рабочая демократия», так как «пролетариата» в строгом значении этого слова при социализме уже нет, а «рабочая демократия» — устоявшееся троцкистское выражение, обозначающее их иллюзии про возможность «немедленного уничтожения бюрократии»)? Прежде всего, социалистическая демократия состоит в социальных правах каждого человека, гарантированном рабочем месте, доступе к образованию, медицине, науке и культуре. Не уличном горлопанстве, «праве кричать, что генсек — дурак», а именно в создании системы воспитания, развития общества, то есть подготовке

постепенного отмирания государства. Социалистическая демократия — это прежде всего инструмент, а не самоцель. Коммунисты не стремятся «отдать власть народу, пусть он решает», их цель — поднять образовательный и культурный уровень этого народа, чтобы возможным стало бесклассовое общество, приспособленное для свободного развития всех — полный коммунизм.

Социалистическая демократия — неотъемлемая часть системы пролетарской диктатуры. Коммунизм строится не коммунистами для народа, это дело широких масс. Поэтому без развития низовой политической инициативы, поголовного вовлечения в управление новое общество создать невозможно.

Механизмы социалистической демократии могут быть разными. Возьмём для примера СССР. Во-первых, Советы — всевластные государственные органы, отрицающие буржуазное разделение властей на три ветви. Они были лишены профессионального характера (в период, когда не было заседаний, члены Советов всех уровней работали на своих рабочих местах). Кроме того, численность Советов была более велика, нежели буржуазных органов власти. Например, Совет Ленинского района Перми в 1970-х годах насчитывал 150 членов при около 100 тысячах избирателей. То есть один депутат на несколько домов (максимум несколько десятков). В результате, если сегодня все депутаты, начиная с городских дум, — это «другой мир», с точки зрения рядовых тружеников, то Советы в СССР не были оторваны от масс (скажем, Иван Иванович, живущий за стеной в такой же, как у тебя квартире, и работающий за соседним станком, — депутат райсовета или горсовета) и могли оперативно решать те или иные местные проблемы, откликаясь на повседневные нужды

трудящихся. Это касалось и депутатов Верховного Совета, формировавшегося по тому же непрофессиональному принципу.

На уровне государства важным механизмом социалистической демократии сталинского времени было, например, всенародное обсуждение проекта Конституции 1936 года. Даже недружественный по отношению к коммунизму автор вынужден признать:

«Подводя итоги анализа процедуры всенародного обсуждения проекта Основного закона СССР, необходимо сказать, что в ходе всенародного обсуждения законопроекта получил развитие ряд институтов прямой демократии.

Во-первых, получил развитие институт собрания, состав субъектов которого приблизился к современному. Если в ходе обсуждения Примерного устава сельскохозяйственной артели в собраниях могли принимать участие только члены артели, то в 1936 году состав участников собраний чаще всего формировался по территориальному принципу. Собрания с этого периода становятся важным механизмом государственной политики»¹².

На местном уровне в те же годы практиковались самые различные эксперименты по привлечению широких масс к управлению и контролю. Об одном из них — комсомольских «отрядах лёгкой кавалерии» — можно прочитать в материале, размещённом на сайте Государственного архива Челябинской области (естественно, с соответствующими словами про «партийный диктат», но тем не менее):

«Часто „кавалеристов“ от комсомола привлекали к проверкам торговой сети, что было особенно актуально. Причём акции одновременно проходили по всей стране с участием большого числа общественников-комсомольцев. В одном из документов ОГАЧО есть информационная сводка оргбюро ЦК ВЛКСМ по Челябинской области о ходе рейда „лёгких кавалеристов“ по торговой сети. Бригады „кавалеристов“ выявили в магазинах множество недостатков, граничащих с преступлениями: воровство, обсчёт покупателей, отсутствие ценников, припрятанную продукцию, антисанитарию и т. д.

„Кавалеристы“ имели достаточно большие и серьёзные полномочия, поэтому внесли существенные предложения по улучшению торгового обслуживания, которые были выполнены. Кроме того, после семидневной работы бригады райком ВЛКСМ созвал расширенное совещание „лёгких кавалеристов“, завмагов проверяемых магазинов, представителей торговых организаций с присутствием прокурора, чтобы подвести итоги рейда.

Райком комсомола сумел мобилизовать для освещения работы дозорных местную печать. Кстати, для материалов „лёгкой кавалерии“ страницы газет были всегда открыты. Благодаря этому можно узнать некоторые фамилии комсомольских дозорных: Кудряшов, Костин, Костина, Морозов, Куклева, Седельников, Киселёв, Устинов, Шарабрин, Орешков, Ерошкина, Санникова, Мелентьева, Екринина, Сукмашев, Бобров, Алфёров и др., которые резко критиковали и работу маленьких сельпо и, бывало, вытаскивали „за ушко да на солнышко“ „крупных рыб“ районной, городской и областной советской бюрократии. Нередко условия, в которых действовали молодые „кавалеристы“, походило на боевые; дозорные во

время рейдов, особенно в сельской местности во время коллективизации, зачастую рисковали своим здоровьем и даже жизнью»¹³ .

Налицо работа социалистической демократии в сфере, наиболее близкой к повседневным запросам масс, работа, невозможная в условиях господства частной собственности, ликвидация которой только и даёт возможность для создания системы социалистической демократии — демократии, являющейся не ширмой для господства олигархов, а инструментов воспитания масс, подготовки отмирания государства, когда, по выражению Ленина, бюрократии не будет, потому что каждый станет немного бюрократом.

Без сомнения, все вышеперечисленные механизмы социалистической демократии нуждались в дальнейшем развитии и совершенствовании. Трагедия СССР в том, что на определённом этапе систематическая работа по политическому развитию масс, по их воспитанию для задач построения коммунизма была свёрнута, превратилась в формальность. Начиная с 1950-х годов, в условиях, когда СССР уже не был единственным социалистическим государством, задача выживания страны и обеспечения базовых потребностей была выполнена, появились возможности для постепенной децентрализации управления при сохранении руководящей роли коммунистической партии, расширения круга вопросов, отданных на всенародное обсуждение и решение путём обмена мнениями среди широких масс. Однако как мы знаем, победившая мелкобуржуазная группировка в партии мыслила строительство коммунизма лишь как повышение материального благосостояния и насаждение всеобщей самоуспокоенности, ведь «все враги повержены и победа социализма полная и окончательная». Возникший в итоге советский вариант «социального

государства» закономерно проиграл более привлекательному западному варианту, предоставляющему гораздо больший выбор объектов потребления, — по крайней мере, красиво поданную иллюзию этого выбора.

Но главные причины этого именно в неверной политике партии, в мелкобуржуазном курсе в целом, а не смене конкретных форм социалистической демократии или названий её органов, например, Рабоче-Крестьянской инспекции на Народный контроль. То, что к 1980-м годам большая часть советских людей перестала «чувствовать» социалистическую демократию, перестала считать, что СССР — это их государство, выражающее их интересы, виновата именно политика КПСС во всех сферах, нарастание рыночных элементов в экономике, а значит, и в общественной морали. Всё свелось к «терпим их, пока хорошо живём», а когда в результате развала экономики в «Перестройку» начался тотальный дефицит товаров, убедить советских граждан в необходимости рынка и буржуазной демократии оказалось легко. В результате 30 лет антимарксистской политики всё к этому было уже подготовлено.

Объективные условия ленинского и сталинского времени не позволили достигнуть многого в плане развития социалистической демократии. Например, чтобы трудящийся человек при социализме скорее избавился от «проклятия пролетарства», нужно уменьшение продолжительности рабочего дня с одновременной научной организацией досуга. Но неизбежно внешняя ситуация накладывает свой отпечаток, в том числе и в плане ограничения возможности для подобных мер. И нет никаких гарантий, что и будущие социалистические государства не столкнутся с этим.

Всё это было бы чисто историческим вопросом, если бы из проблем истории не вытекали и проблемы, с которыми неизбежно столкнутся и будущие социалистические революции и пролетарские государства. Сейчас невозможно предугадать, в какой ситуации они возникнут и будут действовать, но ясно, что условия будут далеки от идеала. И в случае затруднений, точно также как и раньше, многие из нынешних левых встанут против диктатуры пролетариата, спекулируя на объективных трудностях её реализации в тех конкретно-исторических условиях, которые будут даны. Будут те же самые крики про «комиссародержавие», «чиновники жируют, народ голодает», «рабочие живут в бараках, какой же это социализм» и т. д., с корректировкой на новые реалии. Сначала — крики, а потом начнутся и выстрелы. И, конечно, «левые» антикоммунистические мятежи опять будут играть на руку олигархам, стремящимся к реставрации капитализма, пусть многие представители «левой оппозиции» по наивности и не будут этого видеть.

С другой стороны, и люди, не желающие признавать ошибки советского руководства в плане не только экономики, но и развития социалистической демократии и делать из них выводы, также являются тормозом на пути создания коммунистической партии в России, а потенциально — и социалистического строительства. Сегодня мы не должны идеализировать конкретные формы управления, сложившиеся в ходе строительства социализма в отдельно взятой стране, связанные с тогдашними условиями. Хрущёвская группа, захватив власть и оклеветав Сталина, на самом деле сохранила и ещё развила худшие черты советской системы, сложившиеся в сталинское время, особенно, упование на «мудрое руководство» многих советских граждан, без понимания необходимости собственной активности для помощи этому

руководству. При капитализме политическая пассивность трудящихся способствует стабилизации власти буржуазии, при социализме эта пассивность губит диктатуру рабочего класса.

ВЫВОДЫ

Итак, какие мы можем сделать выводы на будущее, исходя из опыта социалистических государств по созданию системы социалистической демократии?

1. Социалистическая демократия — необходимый элемент диктатуры рабочего класса по привлечению широких народных масс к управлению. Она служит как воспитанию трудящихся в коммунистическом духе, так и привлечению масс к борьбе с контрреволюционными выступлениями, которые могут при социализме найти свою массовую базу, чему способствуют как объективные трудности, так и ошибки в политике партии. При этом социалистическая демократия — не есть созданная раз и навсегда система, она нуждается в развитии и совершенствовании своих форм по мере изменений, происходящих в социалистическом обществе, и отмирает по мере отмирания рабочего государства, переходит в непосредственное общественное самоуправление.
2. Необходимо оберегать органы социалистической демократии от влияния антикоммунистических сил, при необходимости — и силовым путём, опираясь на передовых рабочих. В отличие от диктатуры буржуазии, лицемерно провозглашающей демократию для всех, в том числе для коммунистов, но немедленно переходящую к открытому террору (фашизму), если коммунизм начинает представлять реальную угрозу господству олигархов, диктатура рабочего класса прямо провозглашает свой классовый характер. Никакой

свободы слова и прочих «свобод» для сторонников капитализма, то есть агентов интересов буржуазии, при диктатуре пролетариата нет и не может быть — легальная их работа прямо запрещена, нелегальная пресекается всеми возможными средствами. Даже если кто-то из этих агентов формально принадлежит к рабочему классу, реально, в политическом плане, эти рабочие действуют в интересах олигархов. То же касается и «левых оппозиционеров» — диктатура рабочего класса может допустить конструктивную критику «слева», но в случае прямо фракционной нелегальной работы (подобной троцкистской подпольной типографии в 1927 году) отношение будет таким же, как к буржуазным силам. С другой стороны, в случае победы пробуржуазной группировки в рамках партии, долгом настоящих коммунистов является борьба против ревизионистского руководства, включая нелегальную и вооруженную (например, буржуазную клику, возглавляющую т. н. «КПК», вряд ли будет возможно свергнуть без вооружённой борьбы). Чтобы правильно действовать в таких ситуациях, не только партийцам, но и всем сторонникам диктатуры пролетариата необходимо уметь отличать компромиссы от предательства, смену тактики от ревизионизма. Это напрямую зависит от качества работы коммунистической партии по политическому образованию широких масс, в том числе в ходе вовлечения их в управление.

3. Социалистическая демократия не может решить важнейших вопросов идеологии и политики социалистического государства, это компетенция научного центра, который должен представлять собой руководство коммунистической партии. Социалистическая демократия служит разъяснению широким массам подобных вопросов, надзору за проведением политики партии отдельными её представителями, но не самой выработке курса. Не будет марксистского руководства — крах станет вновь неизбежен. При этом помимо

высоких требований к научной подготовке коммуниста, особенно, назначаемого на руководящие должности, необходимо существование партмаксимума, т. е. привязки доходов руководящих лиц к уровню доходов широких масс. Практика показала, что данная мера не является гарантией от идейного перерождения и проникновения карьеристов в партию, но всё же это дополнительный барьер на пути негативных тенденций, не зря ещё Маркс особо выделял ограничение доходов управленцев как одно из важнейших мероприятий Парижской Коммуны — первой в мире власти рабочих.

4. Главным содержанием социалистической демократии, её реальным материальным обеспечением должна быть система образования и воспитания народных масс, сокращение рабочего дня и научная организация увеличившегося досуга. Партия должна осуществлять своё руководство через государственные органы, избираемые народом, по возможности подробно разъясняя все свои шаги, делая их понятными всем. В тех вопросах, где не требуется высокой марксистской или специальной квалификации, должны проводиться всенародные обсуждения и референдумы, благо современные технологии предоставляют для этого очень широкие возможности (например, интернет-голосования). В конечном счёте, каждый гражданин социалистического государства должен чувствовать себя неотъемлемой его частицей, понимать, что успехи и процветание общества, его движение к изобилию, полному коммунизму, искоренению социальных пороков, доставшихся от капитализма, зависит и от него, его работы на своей специальности и активности в органах социалистической демократии. Не товарищи сверху, из ЦК и КГБ, держат на себе власть рабочего класса, а каждый сознательный человек социалистического общества.

Таковы, на наш взгляд, основные тезисы современных коммунистов по вопросам функционирования диктатуры рабочего класса и социалистической демократии как элемента этой диктатуры.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. [Как жилось крестьянам в царской России](#) [Электронный ресурс]. ↩
2. Мартов Ю. [Мировой большевизм](#) [Электронный ресурс]. ↩
3. Мясников Г. [Очередной обман](#) [Электронный ресурс]. ↩
4. Ленин В. И. [Пролетарская революция и ренегат Каутский](#) [Электронный ресурс].
↩
5. Ленин В. И. [Детская болезнь «левизны» в коммунизме](#) [Электронный ресурс]. ↩
6. Ленин В. И. [Как нам реорганизовать Рабкрин](#) [Электронный ресурс]. ↩
7. [Левацко-анархистская листовка, 1920 г.](#) [Электронный ресурс]. ↩
8. Здесь и далее оценка автором внутрипартийной борьбы в ВКП(б) в 1920-е гг. является неверной, будучи основанной на недостаточном знании вопроса и излишнем доверии к советским источникам. Созданный позднее материал, сформулировавший нашу позицию относительно тех событий, читайте по

адресам: <http://lenincrew.com/trotsky-stalin-and-communism-1/>,

<http://lenincrew.com/trotsky-stalin-and-communism-2/> ←

9. Ленин В. И. **Грозящая катастрофа и как с ней бороться** [Электронный ресурс]. ←
10. **Доклад члена ЦК компартии Украины Г. А. Вареласа в ЦК РКП(б) о забастовке на шахтах Криндачевского района Донецкой области**[Электронный ресурс]. ←
11. **Новочеркасск-1962. Как это было** [Электронный ресурс]. ←
12. Макарецев А. А. **Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1936 г.** [Электронный ресурс]. ←
13. **Рохацевич Е. Б. «Лёгкая кавалерия» челябинского комсомола.** [Электронный ресурс]. ←